

го понятия к российской действительности, а другие – признавали «рабство крестьян» и призывали к его скорейшему искоренению. И если позиция первых сводилась к воспроизводству аргументов о патерналистском характере взаимоотношений между помещиком и крепостными крестьянами, то сторонники признания «рабства крестьян» в России, чаще всего, акцентировали внимание на необходимости жесткой юридической регламентации объема прав и обязанностей как крестьян, так и собственников земли.

В проектах решения крепостного вопроса аргумент о безнравственности «рабства» имел уже второстепенное значение. Центральными становятся понятия «свобода» и «собственность», а главным сюжетом – размышления авторов о том, что может сделать правительство для освобождения крестьян, не нарушая права «собственности» помещиков. В ходе подобного рода рассуждений обосновывалась необходимость организации постепенного перехода зависимых крестьян на новый тип договорных взаимоотношений с «собственником земли». Подобная логика подразумевала целесообразность не только личного освобождения крестьян по договору с помещиком, но и предоставления права владеть населенными крестьянами землями даже лицам *недворянского происхождения*, что, по мысли некоторых авторов, не только не способствовало бы укреплению крепостного права, а напротив привело бы к его постепенному смягчению посредством юридической регламентации прав и обязанностей крестьян. Таким образом, сопоставление комплекса источников различной степени публичности по крестьянскому позволило обнаружить отличия в аргументации способов его решения.

В совокупности анализом содержания и направленности подходов к решению других актуальных для современников проблем, предложенный подход отрывает перспективу существенной корректировки сложившегося алгоритма жесткого приписывания исторических авторов к сторонникам какой-либо политической идеологии в условиях, когда сами идеологии еще не были сформированы, и рассмотрению истории общественного сознания как сложносоставной и постоянно изменчивой системы дискурсивных практик, оказывавшей влияние на процесс формирования публичной сферы.

1. Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века : в 4 т. – Т. 2 : Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX века. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 549 с.
2. Скиннер, Кв. Значение и понимание в истории идей / Кв. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 53–122.
3. Тимофеев, Д. В. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) / Д. В. Тимофеев // *Quaestio Rossica*. – Т. 6. – 2018. – № 4. – С. 1129–1143.
4. Тимофеев, Д. В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. / Д. В. Тимофеев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 436. – С. 184–191.
5. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2017. – 344 с.

Васильев В. М.

ОРУЖИЕ В ПОГРЕБЕНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Для истории раннего средневековья Восточной Европы наряду с письменными источниками очень важными становятся источники археологические. Особенно актуально это для Полоцкого княжества IX–первой половины XIII вв., так как количество письменных источников для этого периода ограничено. Принципиально важной особенностью археологических источников является увеличение их количества в результате постоянного открытия новых памятников и исследования уже известных. Традиционно основными объектами интереса археологов, наряду с поселениями, являются древние могильники. Однако, очень часто интерпретация результатов раскопок могильников основывается на обыденной логике и «здоровом смысле». В связи с этим целью статьи является необходимость рассмотреть некоторые проблемы, связанные с оружием в погребениях (и в целом погребальными практиками) рубежа I и первых столетий II тыс. н. э. и возможности использования их в историческом исследовании.

Полоцкое княжество считается колыбелью белорусской государственности. Для ранних государств Европы война и военное дело во многом определяли процессы их образования. Это актуально и для Полоцкого княжества – из 265 летописных эпизодов военной истории древней Руси 1060–1237 на его долю, по мнению Г. В. Ласкавого, приходится 59 – почти четверть [7, с. 5]. Среди исследователей периода образования Древнерусского государства возникло мнение, что княжеские воины – «дружинники» могли выполнять кроме военных функций ещё и функции чиновников. Е. А. Мельникова назвала это явление «дружинным государством» [11, с. 16–36]. Археологи

пытались увидеть отражение дружины в материальном виде, основываясь на изучении некрополей X в. Исследователи вводят такие понятия как «дружинные курганы» [1, с. 72–72] и «дружинная культура» [14, с. 406–436]. Такие выводы делались в основном на значительном количестве курганов с оружием и «богатым» погребальным инвентарём.

При работе с археологическими источниками в целом, и некрополями в частности, может возникнуть мысль, что они являются прямым отражением «живой» культуры, и на основе данных из погребений можно напрямую делать исторические выводы. В результате такого упрощённого понимания может возникнуть ряд искажений и ошибок. Основываясь на присутствии или отсутствии в погребениях оружия делается вывод о вооружённости некоего общества, его милитаризованности.

Может сложиться мнение, что погребения с оружием являются прямым отражением реально существующего комплекса боевых средств. Подробно эту проблему рассмотрел И. Л. Измайлов. По мнению исследователя, это далеко не так. Наличие оружия в погребениях определяется огромным количеством факторов: культурными, идеологическими, социальными, гендерными, религиозными, а также постдепозиционными процессами, происходившими с погребением. В ряде случаев оружие может заменяться его деталями, частями или моделями из органических материалов и поэтому может не сохраниться в силу естественных причин [5, с. 66–85].

Очень часто, по наличию оружия в погребении делается вывод о социальном статусе погребённого: примером может быть выделение в особую группу курганов «дружинников» или «дружинных курганов». С «дружинными», как правило, ассоциируется особый тип памятников со сложным ритуалом захоронения и богатым инвентарём. К «дружинным» относят некоторые погребения из археологических комплексов Гнёздово и Шестовицы [1, с. 72–82; 3, с. 148–162]. Попытку проследить социальную дифференциацию внутри «дружины» по археологическим материалам совершил М. Х. Алешковский. Он попытался выделить «младших дружинников» из среды сельского населения. Основным критерием для него было наличие в курганах боевых топоров [2, с. 70–90].

Вообще стоит отметить, что такое прямолинейное применение данных из погребений для построения моделей древнего общества было вполне характерно для советской археологии. Подобные взгляды основывались на перенесении культурных установок и здравого смысла исследователя на культуру несуществующего уже общества [13, с. 68–73].

Близкими к советской археологии по своим позитивистским философским установкам были разработки западного направления в археологии – «новой археологии». Для «новой археологии» было очевидно, что социальная структура общества находит прямое отражение в археологическом материале. Важным инструментом становится математическая формализация и статистические методы [5, с. 68–70]. Похожим образом действовали, и некоторые советские археологи в попытке определить социальную структуру древнего общества по материалам погребений [10, с. 24–31].

С начала 1980-х годов популярность набирает новый подход в изучении погребальных памятников – «постпроцессуальная археология» и её наиболее ранний вариант – «контекстуальная археология». Под влиянием социальных антропологов постпроцессуальные археологи пришли к отказу от отождествления погребального ритуала с реальным социальным статусом. Погребальный ритуал и погребальный инвентарь пассивно отражают не реальный статус погребаемого, а скорее притязания коллектива, который хоронит, на социальный статус погребённого и его имущество [15, с. 217–218].

Немецкий исследователь Х. Хэрке, совместив различные методические подходы и взгляды различных школ, рассмотрел серию причин, которые, в принципе, заставляют людей, которые хоронят, помещать погребальный инвентарь в могилы [16, с. 1–21]. Исходя из этого, предметы вооружения в погребениях не обязательно могут быть связаны с профессиональной и социальной ролью человека. Для понимания этого значения нужно всесторонне проанализировать материал как с позиций методов археологии, так и с позиции естественнонаучных дисциплин и социальной антропологии.

Примером междисциплинарного подхода к изучению погребений с оружием могут служить работы Х. Хэрке. Он подробно проанализировал погребения с оружием в англосаксонской Британии. Особенностью его метода было сочетание собственно археологических методов с антропологическими данными. Автор проанализировал количество оружия и варианты его сочетания в погребениях, определил динамику изменения обычая помещать предметы вооружения в могилы во времени. Дальше он сравнил погребённых с оружием с погребёнными без него по целому ряду антропологических (пол, возраст, рост, физическое развитие) и палеопатологических признаков (болезни, прижизненные травмы, наличие стресса от недоедания). Х. Хэрке пришёл к выводу, что оружие в могилах не было признаком профессиональных воинов, пик распространения обычая погребений с оружием не совпадает с пиком военной активности англо-саксов и приходится на относительно мирное время. Погребения с оружием – это попытка англо-саксов выделить себя

среди завоёванного бриттского населения и отражает социально-этнический статус германцев как свободных и завоевателей [17, с. 197–207].

В более традиционном ключе написана работа С. Ю. Каинова «Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя». В ней были проанализированы количественные и пространственные особенности размещения оружия в захоронениях, определено соотношение оружия в кремациях и ингумациях, особенности ритуального обращения с оружием и особенности его размещения в могиле. Автор приходит к выводу о значительном количестве предметов вооружения в некрополе и что Гнёздовский археологический комплекс максимально похож на центры образования Древней Руси – Киев и Чернигов [6, с. 212–241]. Автор исследования в основном придерживался традиционных методов археологии, однако тщательность анализа материала и введение в научный оборот новых данных позволяет сделать выводы как по истории древнерусского оружия, так и ранней истории Древней Руси в целом.

Попытки анализировать погребения с предметами вооружения делали и белорусские археологи. Например, Ю. А. Заяц попытался выделить социальные группы на основе анализа материалов могильника древнего Заславля. Г. В. Ласкавый в кратких заметках анализировал вооружение населения Подвинья, используя и материалы погребальных памятников. Однако авторы этих исследований остались на позициях устаревших методик и взглядов. Погребённым с оружием прямолинейно придавался статус «дружинника». По наличию отдельных предметов вооружения делались умозрительные выводы о том, каким видом оружия пользовался воин в бою или же его «род войск»: топор – небогатый ополченец пехотинец, несколько видов оружия – дружинник [9, с. 69; 8, с. 72; 4, с. 130–135].

Н. А. Плавинский значительно внимание уделил погребениям с оружием в Браславском Поозерье. Автор анализирует материалы, полученные в результате полностью исследованного курганного могильника Погоща, в системе синхронных памятников Браславского Поозерья. Особое внимание он уделяет предметам вооружения в погребениях. Сравнивая особенности погребального обряда в регионе, автор приходит к выводу о вероятном высоком статусе погребённых в могильнике Погоща и предполагает, что этот могильник мог быть оставлен представителями полоцкой княжеской администрации [12, с. 177–178].

Оружие – важная часть предметного мира древнего общества. Попадая в погребения, оно становится сложным и не всегда однозначным источником знания о жизни этого общества. Перед исследователем может возникнуть соблазн трактовать оружие в погребении с позиций своей обывательской логики. Всестороннее изучение погребальных памятников на высоком современном методическом уровне с привлечением междисциплинарного подхода поможет избежать ошибок и искажений и позволит использовать археологические источники в историческом исследовании.

1. Авдусин, Д. А. Раскопки в Гнёздово / Д. А. Авдусин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1951. – Вып. 28. – С. 72–82.
2. Алешковский, М. Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. / М. Х. Алешковский // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 70–90.
3. Блифельд, Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах среднего Поднепровья IX–X вв. / Д. И. Блифельд // СА. – 1954. – Вып. XX. – С. 148–162.
4. Заяц, Ю. А. Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.): по материалам Заславского курганного могильника / Ю. А. Заяц // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1996. – № 8. – С. 129–147.
5. Измайлов, И. Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) / И. Л. Измайлов // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 66–85.
6. Каинов, С. Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя / С. Ю. Каинов // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. – Труды ГИМ. – 2013. – Вып. 210. – С. 212–241.
7. Ласкавы, Г. В. Да пытання аб арганізацыі і складзе ўзброенных сіл Полацкай зямлі ў канцы XI–пачатку XIII стст. / Г. В. Ласкавы // Гістарычна-археалагічны зборнік : у 2 ч. – 1993. – Ч. 1. – С. 5–21.
8. Ласкавый, Г. В. Боевые топоры Белорусского Подвинья в X – XIII вв. / Г. В. Ласкавый // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы симпозиума, Псков, 1991 // редкол.: В. В. Седов (гл. ред.) [и др.]. – Псков, 1992. – С. 68–69.
9. Ласкавый, Г. В. Оружие раннесредневекового населения Северной Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы симпозиума, Псков, 1991 // редкол.: В. В. Седов (гл. ред.) [и др.]. – Псков, 1992. – С. 70–72.
10. Лебедев, Г. С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) / Г. С. Лебедев // Краткие сообщения института археологии. – 1977. – Вып. 148. – С. 24–31.
11. Мельникова, Е. А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. – Москва : Наука, 1995. – С. 16–32.
12. Плавінскі, М. А. Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я / М. А. Плавінскі. – Мінск, 2017. – 242 с.
13. Смирнов, Ю. А. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд / Ю. А. Смирнов, М. В. Тендрякова // Краткие сообщения института археологии. – 1990. – Вып. 201. – С. 68–73.

14. Фетисов, А. А. Дружинная культура Древней Руси / А. А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования, 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – Москва : Вече, 2012. – С. 406–436.
15. Харке, Г. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии / Г. Харке, С. Н. Савенко // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 212–219.
16. Harke, H. Grave goods in early medieval burials: messages and meanings / H. Harke // Mortality. – 2014. – Vol. 19, iss. 1. – P. 1–21.
17. Harke, H. The Anglo-Saxon weapon burial rite: an interdisciplinary analysis / H. Harke // Opus. – 2004. – Vol. 3. – P. 197–207.

Вовк О. И.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: К ВОПРОСУ О ВИДОВЫХ ПРИЗНАКАХ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ИНФОРМАЦИОННОЙ НАСЫЩЕННОСТИ

Одними из наиболее многочисленных знаков коммеморации в современном городе выступают мемориальные доски – т. е. плиты из долговечного материала (камня, металлического сплава, полимера), которые фиксируют память о личности или событии и устанавливаются на фасадах или в интерьерах зданий и сооружений, связанных с историческими событиями или жизнью и деятельностью увековечиваемых лиц. Мемориальные доски следует отличать от аннотационных. Последние устанавливаются на фасадах зданий и содержат сведения о человеке либо событии, в честь которых названа улица, на которой расположено соответствующее здание, либо же размещенное здесь учреждение [см. 3, с. 283–284].

С точки зрения градостроительства мемориальные доски относятся к малым архитектурным формам (т. е. небольшим сооружениям декоративного, вспомогательного или иного предназначения, которые используются для улучшения эстетического вида общественных мест и городских объектов, организации пространства и дополняют композицию зданий, сооружений или их комплексов) [7]. С точки зрения памятникоохранного дела – это произведения монументальной скульптуры, которые вместе с другими объектами монументального искусства подлежат охране как памятники культурного наследия [8].

К настоящему моменту в Украине уже появилось некоторое количество печатных и электронных баз данных, каталогов и справочников о мемориальных досках различных городов страны [см., например, 9; 10; 11 и др.], исследований аналитического уровня [см., например, 3; 4; 5 и др.]. При этом ощущается недостаток в публикациях теоретического характера (в основном украинские исследователи ориентируются на наработки своих зарубежных коллег [см., например, 2]).

В целом можно сказать, что теоретико-методологические основы исследования этих образцов скульптурной пластики к настоящему моменту находятся в процессе своего формирования. На наш взгляд, это следует из нескольких имманентно присущих им особенностей.

Во-первых, одной из основных функций мемориальных досок является историко-мемориальная, ведь с их помощью маркируются места, где пребывали выдающиеся люди или происходили исторические события [1, с. 49–50; 2, с. 148]. Согласно «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», которая была издана Министерством культуры СССР еще в 1986 г. и оставалась действующей (с изменениями) на территории Украины до 2013 г., наличие мемориальной доски являлась одним из важнейших элементов, подтверждающих принадлежность конкретного объекта к числу памятников истории [6]. То есть мемориальные доски с этой точки зрения выполняют хотя и важную, но все же вспомогательную функцию.

Во-вторых, мемориальные доски отличаются относительно небольшими линейными размерами: их наибольший параметр (ширина или высота – зависимо от ориентации) обычно не достигает и одного метра. Благодаря этому данные знаки коммеморации могут быть сравнительно несложно «вписаны» в окружающую архитектурную среду. Однако, в то же время, компактные размеры в ряде случаев негативно влияют на аттрактивность этих объектов, усложняют их выявление, каталогизацию и, как следствие, дальнейшее обобщение и изучение.

Третья характерная черта мемориальных досок непосредственно вытекает из предыдущей. Из-за небольших размеров стоимость установки этих объектов относительно невысока. Набор согласовательных процедур, которые необходимо пройти перед открытием доски, тоже сравнительно несложен. Это приводит к стремительному увеличению этих знаков коммеморации в пространстве украинских городов. Например, в Харькове за последние полвека наблюдалась следующая динамика появления новых мемориальных досок: 1970-е гг. – 5 единиц; 1980-е гг. – 24; 1990-е гг. – 42; 2000-е гг. – 107; 2010-е гг. – 271. В то же время, фактическое отсутствие контроля